

Уважаемые читатели!

Мы открываем новую рубрику, где намерены публиковать статьи по темам, которые, по нашему мнению, являются остро дискуссионными. Предполагается, что дискуссии на страницах журнала будут вестись не в формате обмена мнениями, не всегда подкрепленными исчерпывающей аргументацией, а в формате тематически близких статей, каждая из которых должна в полной мере соответствовать правилам, предъявляемым к научным публикациям.

ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ИЗЪЯНОВ СМЕШАННОЙ ЭКОНОМИКИ

Рубинштейн А.Я.*

Аннотация

В контексте исследования природы и эволюции патернализма, одного из элементов теории опекаемых благ, представлен новый взгляд на провалы смешанной экономики и предложена их классификация. Стандартные провалы – наличие монополии, экстерналий информационной асимметрии и т.п., – дополнены «поведенческим провалом». Согласно предложенной теории, данный вид провала смешанной экономики обусловлен иррациональными действиями индивидуумов, выбирающих такой вариант поведения, который в соответствии с предпочтениями «патера» не обеспечивает максимизацию их благосостояния. Указанный подход лег в основу анализа патернализма и позволил выйти за пределы привычной для этой категории «отцовской заботы» государства о своих гражданах и предложить более общую трактовку данного понятия. В работе представлен и особый вид изъянов смешанной экономики – «патерналистский провал» и содержится анализ порождающих его механизмов формирования патерналистских установок государства и некоммерческих организаций. Рассмотрены теоретические и прикладные аспекты концепции консоциативной демократии, обеспечивающей либерализацию процессов принятия политических и экономических решений на основе развития институтов гражданского общества и гражданской активности, направленной на снижение рисков «провалов государства» и потери благосостояния.

Ключевые слова: опекаемые блага; мериторные блага; провалы рынка; патернализм; государственная активность; провалы государства; консоционализм; провал «доброй воли»; институты гражданского общества.

* Рубинштейн Александр Яковлевич – доктор философских наук, профессор, Руководитель научно-го направления «Теоретическая экономика» ИЭ РАН, заслуженный деятель науки РФ. Адрес: Институт экономики РАН.117218, Москва, Нахимовский проспект, д. 32. E-mail: arubin@aha.ru

Введение

Настоящая статья продолжает исследования автора в области «Теории опекаемых благ» (Рубинштейн, 2009а). В эту группу товаров и услуг, как известно, в определенные исторические моменты могут включаться, а затем из них и исключаться результаты самых разных видов деятельности, начиная от товаров массового потребления, новой техники и технологий до банковских услуг и информационных продуктов. Всякая активность государства в любой сфере так или иначе обусловлена его «опекой» соответствующих результатов человеческой деятельности. В этом смысле фискальная, монетарная, промышленная, аграрная, социальная и иные виды политики государства могут быть описаны в рамках теории опекаемых благ.

Главный акцент в данной работе сделан на специальном разделе этой теории – общей концепции изъянов смешанной экономики, обуславливающих патерналистскую активность государства. Дополнительный интерес к этой теме был вызван результатами прошедшей дискуссии о социальном либерализме, материалы которой представлены в монографии «Социальный либерализм» (2016).

Имея в виду развитие теории опекаемых благ – от принципов концепции экономической социодинамики (КЭС) (Гринберг, Рубинштейн, 1998; Grinberg, Rubinshteyn, 2005) до методологии социального либерализма (Рубинштейн, 2016), остановлюсь на предпосылках, определивших ее особенности и место в экономической теории. В данном контексте имеет смысл обозначить, от каких стандартных положений отказывается теория опекаемых благ и что она предлагает взамен¹:

- от абсолютной способности рынка к саморегулированию в пользу активности государства, направленной на устранение провалов рынка и перераспределение богатства. Следствием этого общепринятого подхода являются теории социального либерализма (Социальный либерализм, 2016).
- от стандартного понимания нерационального поведения индивидуумов в пользу их субъективной рациональности (Machlup, 1982, p. 42) и трактовки иррациональности как оценки «патера», обладающего собственными предпочтениями (Гринберг, Рубинштейн, 2013). Это положение, определяющее мотивацию государственной активности, послужило толчком к исследованию природы и эволюции патернализма в экономических теориях;
- от парадигмы «благотворящего государства» в пользу гипотезы о его патерналистской активности, чреватой провалами государства (Krueger, 1990; Winston, 2006) и потерями благосостояния. Данный подход обусловил необходимость либерализации процессов формирования нормативных установок «патера» на основе включения в процессы принятия решений институтов гражданской активности и самоорганизации граждан.

Поведенческий провал

Основным предметом анализа в теории опекаемых благ являются различные стороны государственной активности (Рубинштейн, 2009а). Речь

идет о перераспределении богатства и устранении систематических рыночных провалов, о не менее регулярных провалах государства. В реальном мире нет условий, когда механизмы саморегулирования способны действовать безошибочно, как и нет исключительно верных государственных решений, которые бы устраняли изъяды рынка.

Иначе говоря, государственная активность, по природе своей имеющая патерналистское содержание, навсегда остается элементом экономических отношений и никогда не сможет исчезнуть, разве что в мечтах антиэтатистов или в абстрактных моделях, где выполняется совокупность неких *идеальных* условий (Рубинштейн, 2016). При этом неоклассическая теория не дает удовлетворительного описания такого поведения государства. Поиск же адекватных объяснений толкает к пересмотру некоторых базовых предпосылок и на этой основе к модификации самой теории.

Начну с фундаментального принципа рационального поведения, объединившего в себе австрийский методологический субъективизм, в соответствии с которым индивидуальные предпочтения принимаются как данность, с неоклассическим допущением, что каждый индивидуум выбирает лучший вариант, оптимизирующий его благосостояние². Все остальное делает невидимая рука, обеспечивающая благосостояние общества.

При этом рациональное поведение индивидуумов может приводить к потерям благосостояния из-за «несовершенной» институциональной среды (Майерсон, 2010, с. 29). Изменение же правил игры, в соответствии с патерналистским решением государства способно подтолкнуть индивидуумов к выбору такой доминирующей стратегии, которая обеспечивает Парето эффективное равновесие.

Если же возникают потери общественного благосостояния или неудовлетворительным оказывается распределение богатства, они объясняются изъядами рынка и служат обоснованием активности государства, направленной на их устранение. В рамках методологии Нэша любые виды активности государства, направленные на устранение изъядов рынка, описываются в терминах модернизации институциональной среды.

Не развивая этот известный сюжет «институциональных» и «распределительных» провалов рынка, еще раз подчеркну их принципиальную особенность – предпосылку рационального поведения индивидуумов, максимизирующих свое благосостояние. Вместе с тем, как отмечает Марк Блауг, «в общем случае невозможно исключить поведение, движимое минутным импульсом, привычкой... или даже забывчивостью, что разрушает всякое представление о последовательной системе предпочтений» (Блауг, 2004, с. 351), что позволяет говорить о возможности выбора далеко не лучшего варианта, и (там же, ссылаясь на Герберта Саймона (Simon, 1957, chs. 14, 15)) «в лучшем случае мы можем находить удовлетворительное решение», обуславливающее определенные потери.

Замечу, что критика рациональности сопровождает данный онтологический принцип всю последующую его историю. Первая значимая ревизия данной предпосылки связана, наверное, с работами Дж. Катоны и Г. Саймона (Katona, 1951; Simon, 1955). Последний подверг сомнению способность лю-

дей верно оценивать свой выбор (Simon, 1955). Он же ввел в научный оборот утвердившуюся в литературе категорию «ограниченная рациональность» (Simon, 1957). Дальнейшее ослабление этого «идеального условия» нашло отражение в теориях общественных товаров и мериторных благ, где фактически было снято табу с иррационального поведения индивидуумов, что позволяет говорить еще об одном изъяне рынка – о «поведенческом провале» (см. также: Капелюшников, 2013а, с. 81).

При этом в теории общественных товаров он признавался лишь косвенно: объясняя «фрирайдерство», П. Самуэльсон ввел в научный оборот «ложный сигнал индивидуумов об отсутствии спроса на общественное благо» (Samuelson, 1954). В мериторике же Р. Масгрейва были описаны стандартные случаи поведенческого провала (Musgrave, 1959; Musgrave, Musgrave, Kullmer, 1994) и активности государства, направленной на его устранение. Речь идет о непосредственном вмешательстве в потребительские предпочтения с явно выраженным мериторным патернализмом (D' Amico, 2009). Следует подчеркнуть также, что признание самого факта *нерационального* поведения вынуждает рассматривать и такое поведение индивидуумов, которое можно считать *рациональным*.

Подобная дихотомия неизбежно приводит к двум «стандартам оценки», которые, собственно, и нашли отражение в известной модели Р. Талера, Х. Шефрина, постулирующей одновременное исполнение человеком ролей «безвольной жертвы искуителя (я-исполнитель) и ее рационального антипода и “гордости создателя” (я-программатор). Если “исполнитель” ориентируется на эгоистические и близорукие действия, то “программатор” стремится к реализации долгосрочных и просвещенных интересов» (Thaler, Shefrin, 1981)³. Используя то же самое предположение об исполнении человеком нескольких ролей, Х. Марголис предложил «родственную» FS-модель («fair-share») с двумя функциями полезности индивидуума, с двумя его «Я» (Margolis, 1982, p. 11). Как бы ни объяснять эту двойственность, подчеркну главное – сам факт дестабуирования иррационального поведения индивидуумов означает одновременно и легитимацию патерналистских действий государства, направленных на поддержку «рационального антипода».

Теория благосостояния, опирающаяся на рациональность индивидуума, считает, что патернализм подрывает либеральную доктрину. В определенном смысле это действительно так, но лишь в той мере, в какой принцип рационального поведения можно считать универсальным. При этом в последние 30–40 лет появились исследования в области поведенческой и экспериментальной экономики, в которых получено множество эмпирических подтверждений нерационального поведения людей⁴. В результате накопилась представительная коллекция «аномалий», демонстрирующих примеры поведения индивидуумов, не только склонных ошибаться, но и делающих ошибки регулярно (Kahneman, Tversky, 2000; Thaler, 2000)⁵.

Указанные обстоятельства потребовали ответа: не вписывающиеся в границы стандартной теории эмпирические факты нуждались в объясняющей интерпретации. Следует подчеркнуть, что на этом поприще поведенческие экономисты лишь продолжили мериторную аргументацию, основанную на идее множественности «Я», усилили ее и превратили в свой главный ме-

тодологический прием (Thaler, Shefrin, 1981; Sunstein, Thaler, 2003). Иначе говоря, они также признали поведенческий провал рынка, сохраняя и развивая тем самым патерналистский тренд.

При этом государственная активность в этих теориях обосновывается с очевидным индивидуалистическим уклоном. Так, мериторика, поведенческая экономика и выросшие из них либертарианский (Sunstein, Thaler, 2003) и асимметричный (Camerer, Issacharoff, Loewenstein, O'Donoghue, Rabin, 2003) патернализм исходят из того, что «мягкие» действия государства направлены на создание условий для свободного потребительского выбора в соответствии с «истинными предпочтениями» самих индивидуумов. Государство, по мнению лидеров этого направления, ничего не навязывает, а лишь подталкивает индивидуумов к принятию решения, в основе которого лежит их собственное понимание «счастья». Особенностью данной конструкции они считают то, что политика подталкивания («*nudge*») устраняет противоречие между патернализмом и свободой выбора (Sunstein, Thaler, 2003, p. 1188).

Как бы ни относиться к этому спорному выводу и его обоснованной критике (Капелюшников, 2013б, с. 32–43), отмечу главное: даже если предположить, что государство имеет какие-то представления об «истинных предпочтениях» индивидуумов, то и в этом случае можно говорить лишь о понимании самого государства, оценивающего поведение индивидуумов как иррациональное⁶. Таким образом, речь идет о государственной активности, направленной на коррекцию поведения индивидуумов в соответствии с установками «патера» и его пониманием счастья. В этом контексте неважно, какое содержание вкладывает государство в свои представления об «истинных предпочтениях» индивидуумов.

Особую ситуацию рассматривают макроэкономисты. Причем в исходной кейнсианской методологии непосредственно допускались нерациональное поведение экономических агентов⁷ и возможность длительного равновесия при неполном использовании ресурсов, обуславливающие необходимость государственного регулирования (Бланшар, 2010). Новые же кейнсианцы исходят из того, что, несмотря на негибкость цен и зарплат в краткосрочном периоде, в длительной перспективе рыночная экономика стремится к равновесию с полным использованием ресурсов, а экономические агенты, действуя в соответствии с рациональными ожиданиями, оптимизируют во времени свое поведение (Ромер, 2014)⁸. Однако, учитывая, что период с неполным использованием ресурсов может затянуться, новые кейнсианцы также признали необходимость активного макроэкономического регулирования.

Рассматривая оба подхода в поведенческой оптике, можно сопоставить присущую каждому из них направленность государственной активности. Если, в соответствии с традиционным кейнсианством, регулятор создает условия и тем самым «подталкивает» нерациональных экономических агентов к рациональному поведению, то возникает естественный вопрос: что же стимулирует государство с точки зрения новых кейнсианцев, методология которых опирается на рациональность агентов? Ответом на него служит следующее объяснение: даже когда вмешательство государства направлено на минимизацию отклонения от равновесия или ускорение возврата к нему,

то и в этом случае добиться поставленных целей можно лишь через изменение поведения экономических агентов. Оценивая институциональную среду как неэффективную, ибо в определенные моменты времени она чревата потерями благосостояния, регулятор воздействует на их поведение, создавая соответствующие стимулы. Иначе говоря, и новые кейнсианцы допускают возможность воздействия на поведение экономических агентов, корректируя его посредством государственного регулирования.

Можно по-разному называть такие действия государства, избегая использование категории «патернализм». Вместе с тем, если выйти за пределы привычной для этой категории патриархальной «отцовской заботы» государства о своих гражданах, избегая как негативную коннотацию данного понятия, так и его гуманитарную интерпретацию в контексте социальной защиты, и взглянуть на указанные процессы с *нейтральных позиций*, то в центре внимания остается сама государственная активность, прямо или косвенно оказывающая воздействие на поведение различных экономических агентов. С учетом такого понимания может быть предложена универсальная трактовка данного понятия: *любое воздействие государства на экономических агентов с целью направленного изменения их поведения в соответствии с установками государства* следует признать проявлением патернализма⁹.

Сделаю и общий вывод о том, что «поведенческий провал», дополняя «институциональный» и «распределительный» провалы рынка, обуславливает патерналистскую активность государства, которая возникает там и тогда, где и когда, в соответствии с установками «патера», оказывается неэффективной институциональная среда и/или признается неприемлемым распределение богатства; и/или поведение индивидуумов оценивается как нерациональное (табл. 1).

Таблица 1

Изъяны рыночной экономики и патерналистская активность государства

	ИЗЪЯНЫ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ	ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОВАЛ	Неэффективное по Парето равновесие	Патерналистская активность государства, направленная на изменение институциональной среды при сохранении свободы потребительского выбора
РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЙ ПРОВАЛ	Парето эффективное равновесие с «неприемлемым» распределением богатства	Патерналистская активность государства, направленная на изменение бюджетных ограничений индивидуумов (перераспределение) при сохранении свободы потребительского выбора
ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ПРОВАЛ	Иррациональное поведение индивидуумов	Патерналистская активность государства, направленная на изменение потребительского выбора

Источник: Составлена автором.

Природа патернализма

Остановлюсь теперь на теории опекаемых благ и концепции рыночных провалов, претендующих на обобщение теории общественных товаров и мериторных благ, включая либертарианский и асимметричный патернализм – теоретических построениях, связанных с патерналистскими действиями государства. Повторю в связи с этим главную дефиницию: опекаемые блага – это такие товары и услуги, потребление которых государство в соответствии со своими предпочтениями стремится повысить или снизить¹⁰. Здесь, собственно, и проявляются родственные связи теории опекаемых благ с мериторикой, либертарианским и асимметричным патернализмом. Замечу также, что кроме общего есть и особенное.

Рассматривая поведение людей как данность, я исхожу из того, что они действуют при всех обстоятельствах субъективно рационально, в том числе и в ситуациях, описанных Масгрейвом, а позже и поведенческими экономистами. При этом для объяснения их поведения, оцениваемого как иррациональное, не обязательно прибегать к искусственным построениям, к моделям с несколькими функциями полезности каждого индивидуума и наличием у них «истинных предпочтений». Использование такой конструкции содержит ничем не оправданное предположение о том, что государство знает «истинные предпочтения» индивидуумов. От этого уязвимо положения, подвергающегося справедливой критике¹¹, теория опекаемых благ принципиально отказывается. Причем особенность данной теории заключается не в отрицании феномена двойственности предпочтений, а в ином понимании его природы.

Речь идет о существовании двух источников оценки, каждый из которых имеет свои предпочтения, но никак не предполагает двоемыслия одного и того же индивидуума. Ситуация, описанная в мериторике и повторенная в поведенческой экономике, когда о втором своем желании индивидуумы часто не догадываются, но о нем ведают третьи лица, которые и «навязывают» его в виде «истинных предпочтений», страдает неустранимым пороком. Как гласит один из принципов римского частного права, желание не может быть признано несправедливым – *volenti non fit iniuria*.

Собственно, исходя из этого, в теории опекаемых благ и была предложена иная трактовка феномена двойственности предпочтений. В основании данной теории лежит австрийский принцип методологического субъективизма¹², в соответствии с которым поведение индивидуума следует трактовать «с субъективной точки зрения как то, к чему стремится действующий человек, потому что в его глазах это желательно» (Мизес, 2005, с. 24). Одновременно с данным принципом эта теория допускает существование внешнего источника оценки – автономного носителя нормативного стандарта. С позиций именно внешнего источника, на основе его предпочтений поведение индивидуума, собственно, и может оцениваться как иррациональное или ограниченно рациональное¹³.

По сути, аналогичная ситуация наблюдается в макроэкономике, где, как считают новые кейнсианцы, экономические агенты действуют субъ-

ективно рационально, оптимизируя во времени свое поведение. При этом если в мериторике и поведенческой экономике патернализм государства опирается на некие «истинные предпочтения» индивидуумов, то экономическое регулирование в макроэкономике базируется на его стремлении ускорить процесс возвращения к тренду полного использования всех ресурсов или уменьшить масштабы отклонения от равновесного состояния экономики.

С этих позиций «патер» и стимулирует изменение поведения экономических агентов. Нетрудно заметить, что «понимание» государством того, как скорректировать их поведение, имеет ту же природу, что и его знание «истинных предпочтений» индивидуумов. И в том, и в другом случае, опираясь на собственные представления «как должно быть», государство манипулирует поведением экономических агентов.

Иначе говоря, патернализм, в любой его форме, всегда представляет собой «навязывание» установок «патера» членам конкретной совокупности индивидуумов – будь то домашнее хозяйство, фирма, социальная группа или общество в целом, чье поведение и/или институциональная среда, в которой они действуют, оценивается им как неэффективные. И в этом смысле природа патернализма неразрывно связана и даже обусловлена изъянами рынка – регулярно возникающими несоответствиями фактических результатов с нормативными представлениями о благосостоянии индивидуумов и общества в целом. Это относится и к Парето неэффективным равновесиям, и к Парето эффективным равновесиям, но с «неприемлемым» распределением богатства, к иррациональному поведению индивидуумов и «корректировке ad hoc» экономических агентов.

Остановлюсь теперь на принципиальном вопросе, что же представляет собой этот внешний источник, действующий от имени общества и устанавливающий указанную нерациональность или неэффективность, и как институционально обеспечивается формирование установок «патера», декларирующего свои предпочтения в качестве нормативного общественного интереса. В данном контексте можно говорить о двух теоретических версиях общественного интереса. В одном случае речь идет о рыночной координации поведения индивидуумов, в процессе которой формируется их совокупный интерес, в другом – допускается существование автономного интереса социума, несводимого к предпочтениям индивидуумов (Grinberg, Rubinstein, 2005). И если предпочтения индивидуумов, вливаясь в рыночный поток, усредняются на всем их множестве, то предпочтения общества в целом в процессе такой редукции не участвуют.

Речь идет о двух параллельных процессах, о двух ветвях формирования общественных интересов. Одна из них связана исключительно с индивидуальными предпочтениями и их гармонизацией с помощью рыночного механизма, другая – отражает процесс генерирования нормативных интересов общества посредством институтов политической системы. В теории опекаемых благ присутствуют обе ветви общественного интереса – рыночная и политическая. В рамках последней формируются нормативные установки, определяющие природу и содержание патернализма.

Рассматривая политическую ветвь и уподобляя государство «политически агрегированному индивиду» (Автономов, 2014, с. 55) с его нормативным интересом, нельзя забывать вердикт Р. Будона, который подчеркивал, что подобные предположения правомочны лишь в том случае, если этот субъект наделен институциональными формами, позволяющими ему принимать коллективные решения (Boudon, 1979). Поэтому очевидным условием формирования функции полезности «политически агрегированного индивида» – нормативных установок «патера» – является некая институциональная система, позволяющая ему принимать решения от имени общества.

Начиная с Аристотеля, социальные и политические философы выстраивали искомую систему посредством институтов представительной демократии – по Аристотелю, «республики», где осуществляется правление с делегированием прав на принятие решений особым людям (Аристотель, 1983). Это те, кого его учитель – Платон называл «философами» (Платон, 1971, с. 275), и уже в другую эпоху Масгрейв относил к «информированной группе людей» (Musgrave, 1969, p. 16), а Шмидт – к «политикам» (Schmidt, 1988, S. 384).

Это те индивидуумы, кто представляет, «как должно быть», и способен заявить свои представления от имени социума. Характеризуя таких людей, Аристотель подчеркивал, что участие в политической жизни – привилегия немногих, равных между собой, но неравных другим жителям полиса свободных граждан. Именно эти люди, неравные другим индивидуумам, – назовем их политиками, – будучи субъектами коллективных решений, формируют нормативные интересы общества, обращенные ко всем гражданам.

Рассматривая такие интересы, необходимо ответить на главный вопрос. Если они не могут быть представлены в виде агрегата предпочтений индивидуумов в рыночной ветви, то каковы механизмы их формирования в политической среде? Пытаясь ответить на данный вопрос, обсуждая интересы социальной целостности, я исхожу из уже обозначенной задачи формирования функции полезности политически агрегированного индивида. Вполне вероятно, что некоторая недосказанность в прежних моих работах породила известное недопонимание КЭС, а затем и теории опекаемых благ со стороны ряда экономистов, приписывающих этим теориям чуть ли не метафизический характер.

Дело в том, что если мы рассматриваем политическую ветвь, обосновывая несводимость нормативных интересов социума к интересам индивидуумов, участвующих в генерировании совокупного интереса, выявляемого рыночным механизмом, то это вовсе не означает, что нормативные предпочтения общества определяет какой-то мистический орган. Конечно, нет. Как и в случае с рыночной ветвью, так и при формировании интереса общества *sui generis* участвуют конкретные люди – политики, вступающие во взаимодействие между собой и существующими институтами.

Причем если в рыночной среде индивидуум оценивает имеющиеся альтернативы с позиций собственной выгоды, то политическая ветвь генерирует альтернативы, связанные с нормативным пониманием благосостояния общества. Например, если в рыночной среде индивидуум решает вопрос,

пойти ли ему в театр или купить хорошие персики, то в политической среде перед политиками встает иная альтернатива: надо поддержать приобщение населения к искусству или важнее «опекать» потребление фруктов? Иначе говоря, в политическом процессе формирования общественных интересов, в отличие от рыночной ветви, рассматриваются «другие события».

Следует обратить внимание и на «другое поведение», потому что, в отличие от индивидуумов, предпочтения неравных им «политиков», действующих от имени общества, обусловлены в основном не личными, а общественными средствами. При этом экономисты отмечают очевидное «несходство социальной политики, которую узкий круг обладателей имущественных и властных ресурсов осуществляет в отношении большинства, лишенного этих ресурсов, с той, которая строится на основе репрезентации интересов и предпочтений большинства, обладающего ресурсами» (Якобсон, 2016, с. 296–297). На возможность более низкой оценки полезности общественных средств для людей, принимающих решения о направлениях государственных расходов, по отношению к их собственным ресурсам указывают многие факты¹⁴.

В целом же можно утверждать, что любое вмешательство государства в рыночные отношения, любая его активность, включая макроэкономическое регулирование, определяются коллективными решениями «политически агрегированного индивида» со всеми особенностями поведения политиков. И в данном контексте неважно, чем обусловлен патернализм государства – выводами макроэкономических моделей, политическими решениями или иными соображениями, включая задачи устранения изъянов рынка.

При этом коллективные решения от имени государства, генерируемые политической ветвью, целесообразно рассматривать как результат дискурса, детерминированного сложившимися институтами и интересами элит, способными как приближать, так и отдалять общественный выбор от реальных потребностей общества (Тихонова, 2013, с. 41–43). Справедливо и замечание о том, что «политический процесс обладает собственной логикой, во многих случаях не совпадающей с привычной логикой оптимизирующих экономических механизмов» (Радыгин, Энтов 2012, с. 26). И если в недавнем прошлом доминировала концепция «благожелательного» и даже «благотворящего» государства, активность которого направлена исключительно на реализацию общественных интересов, то во второй половине XX в. все большую роль играет тезис о смещении политических решений в сторону интересов правящих элит (Stigler, 1971). В этом же контексте следует рассматривать патернализм государства, который, в соответствии с предложенной трактовкой данного понятия, даже в исходном замысле не всегда направлен «на отцовскую заботу» о благе народа (Олсон, 2006).

Этот вывод корреспондирует с другим известным утверждением, согласно которому «истинный интерес» общества отличается от общественного выбора, реализуемого политической системой (Лаффон, 2007, с. 23). Иными словами, политическая ветвь актуализирует лишь те интересы, которые признают политические и экономические элиты. Именно их установки становятся нормативными интересами общества в резуль-

тате соответствующих коллективных решений. Причем вне зависимости от механизмов формирования общественного интереса – будь то персональное решение лидера группы, голосование всех ее членов или решение коалиции – он всегда определяется в форме патерналистских установок «как должно быть».

Патерналистский провал

Следует отметить, что в представленных теориях в качестве нормативных интересов, генерируемых политической ветвью, рассматриваются те ценностные суждения, которые Самуэльсон, в частности, предписывал своему «эксперту по этике», а представители мериторики и нового патернализма назвали «истинными предпочтениями», которые в соответствии с традициями классического либерализма существуют в душе каждого человека (Musgrave 1959; Musgrave 1969; Brennan, Lomasky 1983; Tietzel, Muller 1998; Sunstein, Thaler 2003; Sunstein, Thaler 2009).

Несколько в иной трактовке, но и макроэкономисты пользуются, по умолчанию, ценностными суждениями – пониманием «патера», как регулировать экономические процессы. При этом принимаемые решения, зависящие от развитости общества, его политической системы и существующей практики экономического управления, нередко страдают субъективизмом и рисками потери благосостояния.

Обращает на себя внимание и тот факт, что государственная активность, направленная на устранение изъянов рынка, оказывает влияние на политическую ситуацию, и это может оказаться деструктивным для экономики (Асемоглу, Робинсон, 2013, с. 17–19). Следует подчеркнуть также, что формирующая нормативные установки парламентская партия (коалиция), обладающая необходимым большинством голосов, способна провести через голосование практически любые решения, отвечающие интересам самой партии¹⁵. И дело не только в том, насколько представителен парламент и как организована его работа. Важной составляющей является сама процедура принятия решений и те институты, которые лежат в ее основе.

На эту тему существует обширная литература, в которой рассмотрены различные аспекты коллективных решений, включая теорию общественного выбора и новую политическую экономию¹⁶. Для них характерен взгляд на парламент как на совокупность политиков и их коалиций, участвующих в выработке решений главным образом путем различных вариантов голосования (принцип единогласия, квалифицированного или простого большинства и т.п.). Причем наличие в парламенте фракций, сформированных оппозиционными партиями, оказывает, как правило, воздействие лишь на процесс обсуждения, предваряющий голосование, но слабо влияет на его результаты.

В связи с этим можно сформулировать фундаментальное противоречие современного политического процесса. С одной стороны, всякая демократическая система предполагает главенство большинства, с другой – подчинение большинству нередко трансформируется в «уклонение за большин-

ством»¹⁷. Соглашаясь с предпочтением «многих» и уклоняясь за ними, политик рискует пройти мимо правильного выбора. Рискует и все общество: подталкиваемое демократическим большинством, оно может оказаться вне зоны эффективных решений.

«Сегодня даже многие из тех, кто поддерживает демократические институты, – пишет Л. фон Мизес, – игнорируют эти идеи... Аргументы, которые они выдвигают в пользу свободы и демократии, заражены коллективистскими ошибками; их доктрины являются скорее искажением, нежели поддержкой подлинного либерализма. По их мнению, большинство всегда право просто потому, что способно сокрушить любую оппозицию; власть большинства является диктаторской властью самой многочисленной партии... Такой псевдолиберализм является полной противоположностью либеральной доктрины» (Мизес, 2005, с. 144). С этим трудно не согласиться. Демократизация коллективных решений, поиск институциональных механизмов, ограничивающих власть большинства, является ключевой задачей теории опекаемых благ и концепции провалов смешанной экономики.

С конца XX столетия данное направление исследований стало приобретать все большую популярность. В их ряду работы Ж.-Ж. Лаффона, который подчеркивает, что, «несмотря на доминирование в экономике взгляда на общественный интерес как на решающий при выборе пути развития, “интервенция” теории групп интересов, делающей особый акцент на их влияние в формировании политических решений, продолжает расширяться» (Лаффон, 2007, с. 23). Анализируя указанную тенденцию, он рассматривает «аутентичного советника» правящей партии, который предлагает программу действий, увеличивающую ее выгоды в данной экономической и политической ситуации (Лаффон, 2007, с. 22). В посткоммунистической России и особенно в 2000-е гг. этот процесс проявился особенно зримо: «...между обществом и элитами сохранялся значительный конфликт интересов, следствием которого и стал наблюдаемый в настоящее время дефицит институтов – общественных благ, обслуживающих все общество, а не только его привилегированную часть» (Полищук, 2013, с. 41).

Вместе с тем было бы ошибочным думать о наличии единственно возможного выбора. Он всегда лежит в поле различных нормативных решений, где главную роль играют социальные и экономические установки, целевые ориентиры парламентского большинства. Так или иначе, но социум часто сталкивается с политическим произволом в определении патерналистских установок, чреватых ошибочными решениями. И если в концепциях общественных товаров, мериторных благ и в новом патернализме, как и в кейнсианстве, проблема формирования установок «патера» умалчивается или, по умолчанию, предполагается их исходная направленность на увеличение благосостояния общества, то в теории опекаемых благ данный вопрос играет первостепенную роль и подвергается анализу сквозь призму коллективных решений парламента (Рубинштейн, 2009б, с. 150). При этом сам парламент рассматривается как совокупность «аутентичных советников» политических партий, представляющих интересы соответствующих групп избирателей.

Такой подход дает основание применить теорему Эрроу «о невозможности» к совокупности «аутентичных советников» и сделать вывод о принципиальной невозможности согласовать предпочтения парламентских партий, кроме случая с диктатором, когда все голосуют так же, как он. Отмечу также, что реальная политическая практика демократических государств демонстрирует общую закономерность: всякий парламент эволюционирует в сторону появления «коллективного диктатора» в виде партии власти или партийной коалиции, обладающей необходимым большинством голосов для принятия коллективных решений.

Более того, парламентское голосование может порождать патерналистские установки, нерелевантные потребностям и приоритетам общества, игнорирующие предпочтения небольших партий, а вместе с ними интересы многих миллионов их избирателей. Относится это к любым процедурам «коллективных решений», о которых писал Будон и от которых предостерегал Мизес, вызывающим недоверие к патернализму и государственной активности у большинства экономистов и политологов. И нет сомнений в том, что доктрина благотворящего государства действительно должна быть отвергнута.

Замечу также, что патернализм в любой форме государственной активности чреват укреплением государства, которое, как правило, дрейфует в сторону «Левиафана». При этом следует обратить особое внимание на тот факт, что следствием его действий, не всегда соответствующих потребностям общества, может быть снижение благосостояния отдельных индивидуумов и их совокупности в целом, а это обуславливает еще один вид изъятий смешанной экономики – «патерналистский провал».

Наличие патерналистского провала наряду с институциональным, распределительными и поведенческим провалами позволяет рассматривать их с единых позиций – в качестве частных случаев общей теории изъятий смешанной экономики, в которой вместе с домохозяйствами и фирмами участвует патерналистское государство. Сам же патерналистский провал непосредственно свидетельствует о том, что государственной активности присущи риски принятия «неверных» решений.

Здесь возможна прямая аналогия с иррациональным поведением индивидуумов; и в этом случае можно, по-видимому, говорить о *нерациональных действиях*, обусловленных патерналистским провалом, но уже государства, т.е. о такой его активности, которая приводит к потерям благосостояния¹⁸. Наверное, и в данной ситуации существуют в латентной форме некие «истинные предпочтения» социума, несовпадение с которыми установок «патера» порождает потери благосостояния или провалы государства.

Следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что, в отличие от стандартных изъятий рыночной экономики, на устранение которых направлена государственная активность, устранить провал государства сам «патер» не в состоянии. Надеяться на это так же нелепо, как ожидать, что Мюнхгаузен вытащит себя из болота за собственные волосы. Лишь третий участник экономических отношений – гражданское общество, гражданская активность и самоорганизация граждан способны создавать институты, подталкивающие государство к выбору таких патерналистских

установок, которые снижают риски ошибочных решений и направлены на рост благосостояния индивидуумов и общества в целом (табл. 2).

Таблица 2

Четыре изъяна рыночной экономики

	ИЗЪЯНЫ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ	ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОВАЛ	Неэффективное по Парето равновесие	Патерналистская активность государства, направленная на изменение институциональной среды при сохранении свободы потребительского выбора
РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЙ ПРОВАЛ	Эффективное по Парето равновесие с «неприемлемым» распределением богатства	Патерналистская активность государства, направленная на изменение бюджетных ограничений индивидуумов (перераспределение) при сохранении свободы потребительского выбора
ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ПРОВАЛ	Иррациональное поведение индивидуумов	Патерналистская активность государства, направленная на изменение потребительского выбора
ПАТЕРНАЛИСТСКИЙ ПРОВАЛ	Потеря благосостояния из-за ошибочных действий государства	Гражданская активность , направленная на демократизацию выбора патерналистских установок и снижение рисков потери благосостояния

Источник: Составлена автором.

Таким образом, если стандартные изъяны рынка – институциональный, распределительный и поведенческий провалы – вызывают государственную активность, то патерналистский провал, являющийся непосредственным следствием этой активности, требует совершенно иных действий, направленных на демонополизацию процессов формирования нормативных установок, введение процедур принятия решений, снижающих риски «провалов государства» и связанной с ними потери благосостояния.

Вместе с тем ряд экономистов привержены альтернативной позиции, в соответствии с которой декларируется, что провалы государства хуже провалов рынка и потому следует сокращать всякую активность государства – «чем меньше государства, тем лучше для экономики». На теоретическом уровне это чаще всего связано со старыми и новыми концепциями анархизма, а также с построением моделей, в которых индивидуумы и рыночная координация их действий обеспечивают рост благосостояния каждого в отдельности и общества в целом. Но тогда приходится вводить в эти модели ряд исходных допущений, абстрагируясь от их реальности или не заботясь об этом. Понятно, что в рамках подобных моделей ущерба от вмешательства государ-

ства не может быть по определению. Этот подход согласуется с радикальным либерализмом, но по естественным причинам отвергается практикой.

Существует и другая крайность, когда патерналистские установки государства признаются единственно верными и любые попытки высказать иное мнение, повлияв тем самым на процессы их формирования, рассматриваются как «атаки либералов». И слишком часто понятия «либерализм», «неолиберализм» используются исключительно в негативной коннотации, с необоснованным возложением на них вины за неудачные реформы, неправильную экономическую политику и снижение благосостояния людей.

При этом само по себе понятие либерализма, отстаивающего не только индивидуальные права, но и ответственность индивидуума перед другими людьми, предполагает более сложную трактовку. Да и патернализм, как уже отмечалось, не следует сужать и упрощать до его архаичного содержания, связанного с патриархальными аспектами «отцовской заботы» государства и бюрократической идеологией. Теория опекаемых благ отвергает обе крайности. Один из ее главных выводов связан с признанием неизбежности и объективной необходимости государственной активности и патернализма, несущих в себе как позитивные, так и негативные последствия нормативных установок «патера» практически при любой системе их формирования. При этом акцент на последствиях государственного вмешательства имеет смысл лишь в том случае, если их анализ направлен на поиск механизмов, обеспечивающих устранение или уменьшение негативных эффектов. Бессмысленно просто ругать дождь, надо открыть зонтик или искать укрытие.

В обществе такие функции могут и, наверное, должны выполнять институты, позволяющие «не уклоняться за большинством», предусматривающие участие оппозиционных партий, несистемной оппозиции и отдельных граждан в формировании и реализации нормативных интересов, хотя бы частично нейтрализующих «произвол» власти и приближающих общественный выбор к реальным общественным потребностям. В теории опекаемых благ данное положение сформулировано как общий принцип политической конкуренции в принятии коллективных решений, не допускающий «тирании большинства».

Возможно, здесь имеет смысл говорить не о конкуренции, а о сотрудничестве (Полтерович, 2015). По сути, институциональное обеспечение конкуренции парламентских партий можно рассматривать как вид сотрудничества. Подчеркну, что ограничение правящего большинства и защита оппозиционного меньшинства, создание институциональных условий для индивидуума сохранять свой голос, не «уклоняясь за большинством», – одна из принципиальных задач политологической составляющей теории опекаемых благ¹⁹.

Сформулирую практический вывод. На данном этапе развития нашей страны – ее экономики и политической системы – в сложившихся обстоятельствах следует признать ложной известную дилемму «слабое или сильное государство». Исходя из общей концепции изъятий смешанной экономики и регулярно возникающих патерналистских провалов, создающих

риски потери благосостояния, на повестке дня должна стоять иная дилемма – «слабое или сильное гражданское общество».

В связи с этим одной из самых актуальных задач является модернизация институциональной системы принятия решений, создание демократических механизмов, побуждающих и даже «принуждающих» к обсуждению патерналистских установок, предусматривающих участие в такого рода дискурсе представителей системной и несистемной оппозиции, общественных движений и различных групп самоорганизации граждан.

Гражданская активность, институты

На эту тему также существует обширная литература, в которой предлагаются различные рекомендации. Относится это в основном к тем направлениям исследований, цель которых сформулирована в вопросе Винсента Острома «В состоянии ли мы создать работающую концепцию самоуправляющегося человеческого общества вместо того, чтобы довольствоваться тем, что над нами властвует “государство”, а правит нами “правительство”?» (Ostrom, 1991, p. 4). Особое место здесь принадлежит исследованиям, посвященным развитию гражданского общества, повышению уровня гражданской активности населения.

При этом гражданская активность в большинстве случаев сводится к деятельности некоммерческих организаций (НКО), удовлетворяющих потребности, которые рыночные механизмы не выявляют в достаточной степени, и дополняющих тем самым коммерческий сектор (Weisbrod, 1975; Hansmann, 1980; Мерсиянова, Якобсон, 2007). В то же время при всех позитивных характеристиках НКО, обусловленных их особой миссией и дефинитивным нераспределением прибыли, они также не застрахованы от неудач и ошибок, дополняющих провалы рынка и государства. Как отмечает Р. Штейнберг (Steinberg, 2006, p. 125), впервые на подобный провал «доброй воли» обратил внимание Л. Саламон, который выделил четыре особых случая: благотворительную недостаточность, благотворительный партикуляризм, благотворительный патернализм и благотворительный дилетантизм (Salamon, 1987).

Не рассматривая первые два случая, связанные с рисками замещения государственной поддержки благотворительными взносами и ориентацией на конкретную социальную группу, что приводит к избыточности ее финансирования при недостаточности поддержки других групп, следует обратить внимание на феномены благотворительного патернализма и благотворительного дилетантизма, имеющие непосредственное отношение к проблематике настоящего исследования.

Дело в том, что выявленный Л. Саламоном благотворительный патернализм по своей природе мало чем отличается от рассмотренного выше государственного патернализма. В сущности, отличие между ними сводится к механизму легализации «патера», к вопросу, от чьего имени он выступает и какими компетенциями обладает. В одном случае – это демократически избранный парламент, в другом – управляющий орган НКО, сформирован-

ный в соответствии с действующим законодательством. Общим у них является то обстоятельство, что и тот, и другой определяют (на своих уровнях) нормативные установки «как должно быть», исходя из собственных представлений, генерируя тем самым риски неверных решений²⁰. И в этом смысле можно считать, что провал «доброй воли» в случае благотворительного патернализма является частным случаем патерналистского провала.

Здесь возникает очевидный вопрос: как же можно избежать или хотя бы снизить риски патерналистского провала и в случае государства, и в случае НКО? Просто ссылкой на гражданское общество, гражданскую активность и самоорганизацию граждан уже не обойтись. Нужны конкретные предложения, направленные на демонополизацию процессов формирования нормативных установок, на расширение состава участников, принимающих решение, и введение процедур, снижающих риски потери благосостояния, будь то уровень государства или уровень НКО.

Прочитав российских политологов М. Симона и Е. Фурман: «Традиционные теории либеральной демократии базируются на том, что люди, которых затрагивают те или иные политические решения, должны иметь возможность участвовать в процессе их принятия...» (Симон, Фурман, 2015, с. 2). Это важное замечание указывает на известное противоречие между либеральной доктриной и представительной демократией, ибо в принятии коллективных решений участвуют лишь «выборные люди», обладающие «властными ресурсами», независимо от того, затрагивают или не затрагивают их решения тех, кто не входит в их число. Аналогичное замечание можно сделать и в отношении НКО с поправкой на его управляющий орган.

Поэтому доминирующая стратегия повышения гражданской активности, мне кажется, должна быть направлена на расширение состава участников, принимающих решение на всех уровнях законодательной и исполнительной власти. Однако именно здесь общество рискует столкнуться с упомянутой выше особенностью гражданской активности, с так называемым благотворительным дилетантизмом, когда в соответствующих решениях принимают участие «недипломированные работники».

Подобная ситуация, нередко встречающаяся в деятельности НКО (Salamon, 1987; Douglas, 1987), характерна, по-видимому, и в целом для процесса расширения состава участников, принимающих решение. Другой вопрос, нужно ли данный феномен рассматривать со знаком «минус». Как отмечает Штейнберг, «дилетантизм... может быть целесообразным, если потребности клиента вытекают из нравственных проблем, а не из социальных и технических факторов» (Steinberg, 2006, p. 125).

Думаю, что область «целесообразного дилетантизма» гражданской активности гораздо шире. В качестве примера приведу институт «суда присяжных», формируемого, как правило, из недипломированных юристов. Сформулирую и принципиальный вывод: мнение граждан в отношении того, «как должно быть», нельзя не учитывать, даже если среди них мало дипломированных специалистов по соответствующей теме. Собственно, учет именно этого мнения и является одним из тех механизмов, которые способны уменьшить риски принятия ошибочных патерналистских решений.

Поиски таких механизмов, ограничивающих монопольное право принятия патерналистских решений, на всех уровнях законодательной и исполнительной власти – это та задача, которая стоит перед современной наукой и требует междисциплинарных исследований. Свои рецепты предлагают ряд политологов, социологов и экономистов (например: Lijphart, 1977, 1999; Tsebelis, 1990, 1995). В данной статье остановлюсь на парламентских решениях, где взаимодействуют различные партии.

Учитывая же, что современное общество состоит из многих страт с широким спектром социальных групп и негомогенности депутатского корпуса, представляющего их интересы, трудно предположить достижение консенсуса между «аутентичными советниками» в направленности государственной активности. Одно из возможных решений, позволяющее ослабить это противоречие, связано с созданием институтов, определяющих взаимодействие элит и соответствующих политиков на основе согласованного компромисса их целей и интересов (Ferejohn, 2000, p. 79; Симон, Фурман, 2015, с. 14).

И хотя такой компромисс маловероятен, отмечу замечание Э. Хейвуда: «Недостижимость сущностного консенсуса не означает, что не может быть процедурного консенсуса – готовности разрешить противоречия путем заключения соглашения в соответствии с определенными конвенциональными нормами» (Heywood, 2002, p. 10). Нахождение процедурного консенсуса – это та задача, которая стоит перед исследователями, работающими в области политических институтов. При этом, как подчеркивает Б. Крик, конфликт интересов между участниками политического процесса неискореним и единственным решением становится «рассредоточение власти» (Crick, 2000, p. 30).

Данный тезис был реализован в подходе, выработанном во второй половине XX в. В соответствии с ним доминантой исследований стали попытки создания институтов, реализующих принципы теории «консоциативной демократии», разработанной американским политологом А. Лейпхартом, предложившим систему политических институтов для многосоставных обществ (Lijphart, 1977, 1999; Лейпхарт, 1997)²¹.

«Теория консоциализма Аренда Лейпхарта, – пишет российский политолог Ж. Ормонбеков, – является полной и самодостаточной концепцией, в рамках которой рассматривается двойной феномен возникновения вертикального сегментирования общества на отдельные группы населения по определенным общим признакам (религия, язык, раса, этнос, идеология) и институционализация переговорного процесса на уровне элит вышеназванных групп» (Ормонбеков, 2007, с. 92). Несмотря на то что данная теория была создана в основном для решения вопросов мирного урегулирования конфликтов в мультиэтнических обществах, она обладает очевидным потенциалом расширения (Halpern, 1986; Нджоку, 1999; Бондаренко, 2008; Симон, Фурман, 2015). Отмечу в связи с этим возможность применения теории «консоциативной демократии» к негомогенной структуре парламента, состоящего из представителей различных политических партий, отражающих интересы соответствующих социальных групп, т.е. к процессам формирования патерналистских установок «политически агрегированного индивидуума».

Основное внимание здесь надо обратить на практические рекомендации А. Лейпхарта, являющиеся, по сути, базой процедурного консенсуса. Речь идет о необходимости создания большой коалиции, включающей лидеров всех значимых партий; о принципе пропорциональности политического представительства в исполнительной власти, в назначении чиновников и распределении бюджетных средств; о праве взаимного вето, которое позволяет отвергать решения, наносящие ущерб интересам соответствующих социальных групп, и т.п. (Lijphart, 1977, p. 153; Лейпхарт, 1997, с. 60; Ормонбеков, 2007, с. 95–99; Симон, Фурман, 2015, с. 10–11).

В той или иной степени, каждая из этих рекомендаций может быть использована при решении проблемы демократизации институтов формирования патерналистских установок. Так, создание большой коалиции с привлечением к управлению представителей партий, *проигравших* выборы, во многих случаях расширяет область возможных альтернатив. Включение в обсуждение интересов социальных групп, не нашедших отражение в предпочтениях партии власти, позволяет ослабить «тиранию большинства».

При этом для опекаемых благ, производство которых предполагает финансовую поддержку, такие коалиционные решения приобретают особое значение при распределении бюджетных средств, когда, собственно, и устанавливается их объем и структура, соответствующие определенному компромиссу в реализации интересов политических партий, представляющих различные социальные группы. Однако если какая-то одна партия получает достаточное число голосов и коалиция не возникает, то в соответствии с уже упоминавшимися выводами Ж.-Ж. Лафона риски «патерналистского провала» явно увеличиваются и проблема защиты интересов меньшинства приобретает особую актуальность.

В этом случае для устранения патерналистского провала или хотя бы для снижения рисков потери благосостояния необходима активизация гражданского общества – единственной силы, способной ослабить «диктатуру большинства». Речь идет об институциональных трансформациях, направленных на использование в процессе формирования патерналистских установок институтов консоциативного патернализма, обеспечивающих «рассредоточение власти» и тем самым сохранение за оппозицией права собственного голоса – права «не уклоняться за большинством».

Я имею в виду один из ключевых институтов консоциативной демократии, основанный на принципе пропорциональности политического представительства. Кроме участия в органах исполнительной власти представителей различных политических партий, выражающих интересы соответствующих социальных групп, введение данного института может создать очень важные и весьма актуальные механизмы влияния экспертного сообщества на принятие политических и экономических решений. Речь идет об изменении правил формирования уже существующих общественных советов при министерствах и ведомствах.

В соответствии с принципом пропорциональности в эти советы должны быть включены политики, принадлежащие к оппозиционным партиям и несистемной оппозиции, а также ведущие эксперты по соответствующим

направлениям жизнедеятельности общества. Наделение этих общественных советов реальными правами и освещение в СМИ результатов их функционирования позволит избежать многих ошибок, которые имели место раньше и продолжают появляться при отсутствии гражданского контроля над деятельностью органов исполнительной власти.

Кроме принципа пропорциональности теория консоциативной демократии предлагает и механизмы перевода «коллективных решений» из сферы голосования в предшествующие голосованию переговоры, связанные с поиском компромисса. Речь идет об институционализации права вето в качестве обеспечения прав парламентского меньшинства на участие в процессе принятия решений и для защиты позиций его избирателей²². Для опекаемых благ этот институт также представляется весьма существенным, ибо дает возможность заблокировать решения, ведущие к потере благосостояния как отдельных групп граждан, так и всего общества. При наличии такого института в России, наверное, не был бы принят ряд законов, недружественных по отношению к образованию, науке, культуре и здравоохранению.

Принцип пропорциональности предполагает также распределение бюджетных средств с учетом интересов различных партий, включая и те, которые не входят в коалиционное большинство и находятся в оппозиции. Такая возможность появляется в результате ведения специальной бюджетной процедуры «нулевого чтения», охватывающей, скажем, не более 90% государственных расходов, но в котором участвовали бы представители всех парламентских партий. В последующих же чтениях оппозиционным партиям должно быть предоставлено исключительное право дополнять расходы бюджета (оставшиеся 10%), направляя указанные средства на реализацию интересов социальных групп, представленных в программах соответствующих партий. Введение данного института, кроме всего прочего, позволит расширить область переговорного процесса в направлении поиска компромиссов и хотя бы частично перевести ряд коллективных решений на стадию, предшествующую парламентским голосованиям.

В духе теории «консоциативной демократии» Лейпхарта и в дополнение к базовым институтам «вето» и «нулевого чтения» следует использовать и другой известный механизм – институт индивидуальных бюджетных назначений (ИБН), который реализует модель прямого участия граждан в управлении небольшой частью бюджетных ресурсов (не более 2% уплачиваемого налога). Речь идет об альтернативном механизме расходования государственных средств, когда непосредственно налогоплательщики в рамках заданных ограничений определяют направления финансовой поддержки определенных видов экономической деятельности.

Содержательная доминанта этого института – превращение граждан в субъекты бюджетной политики – определяет их непосредственное участие в выработке нормативных установок «политически агрегированного индивидуума» с соответствующим распределением бюджетных средств. Следует особо отметить, что институт индивидуальных бюджетных назначений частично позволяет смягчить отмеченное выше хроническое противоречие между либеральной доктриной и представительной демократией.

Вместо заключения

Выполненный анализ дает основание для классификации различных видов патернализма на основе признака «ценность свободы» (Автономов, 2015) и увидеть в них эволюционную составляющую (Рубинштейн, 2016). Так, не рассматривая крайнюю позицию – *архаичный патернализм*, можно утверждать, что *мериторный патернализм* ориентирован на общество с большей склонностью к свободе. Используемый в рамках данной концепции инструментарий – субсидии, налоговые льготы производителям и трансферты потребителям – предоставляет людям определенную свободу выбора.

В этом смысле *либертарианский патернализм* расширяет возможности потребительского выбора в еще большей мере. Следующий шаг в направлении обеспечения больших свобод индивидуумам сделан еще одной группой представителей нового патернализма – *асимметричного патернализма*. Исходя из этого принципа, используется и соответствующий инструментарий, основанный на политике «подталкивания».

Еще одна разновидность патернализма – *консоциативный патернализм*. Его отличие от мериторного и нового патернализма обусловлено «подключением» институтов консоциативной демократии. Дополняя свободу потребительского выбора, институты *консоциативного патернализма* обеспечивают либерализацию самой процедуры формирования патерналистских установок, увеличивая тем самым свободы людей на более высоком уровне.

Если предложенную классификацию патернализма наложить на ось времени, то можно заметить, что появление различных версий патернализма оказывается упорядоченным и во времени. Данный результат позволяет сформулировать важное теоретическое утверждение: патернализм как часть экономической реальности, развиваясь во времени и пространстве, претерпевает институциональную эволюцию, имеющую явно выраженную либеральную направленность.

* * *

Выполненное исследование определило новую повестку дня, связанную с необходимостью коррекции институционального обеспечения процессов формирования нормативных установок государства в пользу институтов гражданского общества и перераспределения властных полномочий. Речь идет об институтах сотрудничества (Полтерович, 2015), развитии гражданской самоорганизации и институционализации общественных групп (Якобсон, 2016), об институтах «рассредоточения власти» (Lijphart, 1999).

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономов В.С. Еще несколько слов о методологическом индивидуализме // *Общественные науки и современность*. – 2014. – № 3. – С. 53–56.
2. Автономов В.С. На какие свойства человека может опереться экономический либерализм // *Вопросы экономики*. – 2015. – № 8. – С. 5–24.
3. Аристотель. Политика // Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 376–644.
4. Асемоглу Д., Робинсон Дж. Политика или экономика? Ловушки стандартных решений // *Вопросы экономики*. – 2013. – № 12. – С. 4–28.
5. Бланшар О. Макроэкономика. Пер. с англ. – М.: Изд. дом Государственный университет – ВШЭ, 2010.
6. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. – М.: НП «Журнал “Вопросы экономики”», 2014.
7. Бондаренко Т.Ю. Принципы консоциативной демократии в государственном строительстве за пределами Европы // *Политическая наука*. – 2008. – № 4. – С. 213–223.
8. Гринберг Р., Рубинштейн А. «Социальная рента» в контексте теории рационального поведения государства // *Российский экономический журнал*. – 1998. – № 3. – С. 58–66.
9. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & государство: экономическая дилемма. – М.: Весь мир, 2013.
10. Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм // *Вопросы экономики*. – 2013а. – № 9. – С. 66–90.
11. Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм // *Вопросы экономики*. – 2013б. – № 10. – С. 28–46.
12. Ковельман А.Б. Толпа и мудрецы Талмуда. Москва–Иерусалим: Еврейский университет в Москве. – 1996.
13. Лаффон Ж.-Ж. Стимулы и политэкономия. – М.: ГУ–ВШЭ, 2007.
14. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. – М.: Аспект Пресс, 1997.
15. Либман А.М. Политико-экономические исследования: обзор и некоторые предложения. – М.: Институт экономики РАН, 2007.
16. Майерсон Р. Равновесие по Нэшу и история экономической науки // *Вопросы экономики*. – 2010. – № 6. – С. 26–43.
17. Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности / Сер. «Мониторинг гражданского общества», вып. II. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.
18. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. – Челябинск: Социум, 2005.
19. Нджоку Р. Что такое консоциализм? // *Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии*. – 1999.
20. Нуреев Р.М. Теория общественного выбора. – М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2005.
21. Олсон М. Диктатура, демократия и развитие // *Теория и практика демократии*. М.: 2006. – С. 375–382.

22. Ормонбеков Ж. Теория конссоциализма Аренда Лейпхарта // Казанский федералист. – 2007. – № 1–2. – С. 98–108.
23. Платон. Государство // Платон. – Соч. в 3 т. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3.
24. Полищук Л.И. Аутсорсинг институтов // Вопросы экономики. – 2013. – № 9. – С. 40–65.
25. Полтерович В.М., Попов В.В. Демократизация и экономический рост // Общественные науки и современность. – 2007. – № 2. – С. 13–27.
26. Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С. Нестабильность демократии в странах, богатых ресурсами // Экономический журнал ВШЭ. – 2008. – № 2. – С. 176–200.
27. Полтерович В.М. От социального либерализма к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. – 2015. – № 4. – С. 41–64.
28. Помигуев И.А. Концепция вето-игроков: новый подход в изучении форм правления // Журнал «Политическая наука». – 2014. – № 1. – С. 199–210.
29. Радыгин А., Энтов Р. «Провалы государства»: теория и политика // Вопросы экономики. – 2012. – № 12. – С. 4–30.
30. Ромер Д. Высшая макроэкономика. Пер. с англ. – М.: Изд. дом Государственный университет – ВШЭ, 2014.
31. Рубинштейн А.Я. К теории рынков «опекаемых благ». Статья I. Опекаемые блага и их место в экономической теории // Общественные науки и современность. – 2009а. – № 1. – С. 139–152.
32. Рубинштейн А.Я. Мериторика и экономическая социодинамика: дискуссия с Р. Маггрейвом // Вопросы экономики. – 2009б. – № 11. – С. 98–109.
33. Симон М.Е., Фурман Е.Д. Проблема выработки политического компромисса: институциональное измерение. – М.: ИЭ РАН, 2015.
34. Социальный либерализм / под ред. А.Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич. – СПб.: Алетейя, 2016.
35. Тихонова Н.Е. Социальный либерализм: есть ли альтернатива? // Общественные науки и современность. – 2013. – № 2. – С. 32–44.
36. Хиллман А.Л. Государство и экономическая политика. Возможности и ограничения управления. – М.: ГУ ВШЭ, 2009.
37. Шумпетер Й. (2007). Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо. 864 с.
38. Якобсон Л.И. Социальная политика ювенального общества // Социальный либерализм / под ред. А.Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич. – СПб.: Алетейя, 2016.
39. Boudon R. La logique du social: introduction á l'analyse sociologique. Paris: Hachette. 1979.
40. Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T., Rabin M. Regulation for conservatives. Behavioral economics and the case for 'asymmetric paternalism' / University of Pennsylvania Law Review. 2003. Vol. 151. P. 1211–1254.
41. Crick B. In Defense of Politics. Harmondsworth and New York: Penguin. 2000.
42. D'Amico D. Merit Goods, Paternalism and Responsibility. Pavia. Universita. 2009.
43. Douglas J. (1987). Political Theories of Nonprofit Organizations // The Nonprofit Sector: A Research Handbook, ed. by Walter W. Powell. New Haven, Conn.: Yale University Press. P. 43–54.
44. Ferejohn J. Instituting Deliberative Democracy. Designing Democratic Institutions, ed. by Ian Shapiro and Stephen Macedo. New York University Press. 2000.

45. Grinberg R., Rubinstein A. *Economic Sociodynamics*. «Springer-Verlag», Berlin, Heidelberg, New York. 2005.
46. Halpern Sue M. *The Disorderly Universe of Consociational Democracy // Western European Politics*. 1986. Vol. 9. N. 2. P. 181–182.
47. Hansmann H. *The Role of Nonprofit Enterprise // Yale Law Journal*. 1980. N. 89. P. 835–901.
48. Harsanyi J. C. *Morality and the Theory of rational Behaviour / Utilitarianism and beyond*. Cambridge: Cambridge University Pres. 1982. P. 39–62.
49. Heywood A. *Politics*. London: Palgrave Macmillan. 2002.
50. Kahneman D., Tversky A. (Eds.). *Choices, values and frames*. New York: Cambridge University Press. 2000.
51. Katona G. *Psychological Analysis of Economic Behavior*. New York: McGraw-Hill. 1951.
52. Krueger A. *Government Failures in Development // Journal of Economic Perspectives*. 1990. Vol. 4. P. 9–23.
53. Lijphart A. *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. New Haven: Yale University Press. 1977.
54. Lijphart A. *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Haven: Yale University Press. 1999.
55. Lucas R. *Expectations and the Neutrality of Money. Journal of Economic Theory*. 1972. N 4. P. 103–124.
56. Machlup F. *Austrian Economics // Encyclopedia of Economics*. New York: McGraw-Hill. 1982.
57. Musgrave R.A. *The Theory of Public Finance*. New York–London. 1959.
58. Musgrave R.A. *Provision for Social Goods // Public Economics*. London–Basingstoke: MacMillan. 1969. P. 124–144.
59. Musgrave R.A., Musgrave P.B., Kullmer L. *Die öffentlichen Finanzen in Theorie und Praxis, Band 1, 6., Tübingen: Auflage*. 1994.
60. Ostrom V. *The Meaning of American Federalism. Constituting a Self-Governing Society*. San Francisco, California, ICS PRESS, 1991.
61. Salamon L. *Partners in Public Service: The Scope and Theory of Government-Nonprofit Relations / In: The Nonprofit Sector: A Research Handbook*. Edited by Walter W. Powell. New Haven, Conn.: Yale University. 1987. P. 99–117.
62. Samuelson P.A. *The pure theory of public expenditure // Review of Economics and Statistics*. 1954. Vol. 36. No. 4. P. 387–399.
63. Schmidt K. *Mehr zur Meritorik. Kritisches und Alternatives zu der Lehre von den öffentlichen Gütern // Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften*. 1988. Vol. 108. N. 3. P. 383–403.
64. Schneider W., Shiffrin R.M. *Controlled and Automatic Human Information Processing I. Detection, Search, and Attention Processing II. Perceptual Learning, Automatic Attending and a General Theory // Psychological Review*. 1977. Vol. 84. N. 1. P. 1–66; N. 2. P. 127–190.
65. Shefrin H.M., Thaler R. *An Economic Theory of Self*. Center for Economic Analysis of Human Behavior and Social Institutions. Working Paper. 1978. N. 208.
66. Simon H.A. *A Behavioral Model of Rational Choice // Quarterly Journal of Economics*. 1955. Vol. 69. N. 1. P. 99–118.

67. Simon H.A. A Behavioral Model of Rational Choice, in *Models of Man, Social and Rational: Mathematical Essays on Rational Human Behavior in a Social Setting*. New York: Wiley. 1957.
68. Steinberg R. Economic Theories of Nonprofit Organizations / In: *The Nonprofit Sector. A Research Handbook*. Edited by Walter W. Powell and Richard Steinberg. Yale University Press New Haven & London. 2006. P. 117–139.
69. Stigler G. The Theory of Economic Regulation // *Bell Journal of Economics*. 1971. Vol. 2. P. 3–21.
70. Sunstein C., Thaler R. Libertarian paternalism is not an oxymoron // *University of Chicago Law Review*. 2003. Vol. 70. P. 1159–1202.
71. Thaler R.H. From Homo Economicus to Homo sapiens // *Journal of Economic Perspectives*. 2000. Vol. 14. N. 1. P. 133–141.
72. Thaler R.H., Shefrin H.M. On Economic Theory of Self-Control // *Journal of Political Economy* / 1981. N. 2. P. 392–406.
73. Tietzel M., Muller C. Noch mehr zur Meritorik // *Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften*. Berlin: Duncker & Humblot. 1998.
74. Tsebelis G. *Nested games: rational choice in a comparative perspective*. Berkeley: Univ. of California press. 1990.
75. Tsebelis G. Decision making in political systems: veto players in presidentialism, parliamentarism, multicameralism, and multipartyism // *British journal of political science*. Cambridge. 1995. N. 25. P. 289–326.
76. Tullock G., Seldon A., Brady G. *Government Failure: A Primer in Public Choice*. Washington, DC: Cato Institute. 2002.
77. Weisbrod B. Toward a Theory of the Voluntary Non-Profit Sector in a Three-Sector Economy / In: *Altruism, Morality, and Economic Theory*. Edited by Edmund Phelps. New York: Russell Sage Pages. 1975. P. 171–195.
78. Winston C. *Government Failure versus Market Failure*. Microeconomics Policy Research and Government Performance. Washington, DC: AEI-Brookings Joint Center for Regulatory Studies. 2006.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Автор не претендует на новизну своих представлений о предпосылках экономических теорий. Почти все они присутствуют в различных работах, и по мере прочтения настоящей статьи читатель обнаружит ссылки на соответствующую литературу. Внимание к этим предпосылкам вызвано непосредственным желанием автора лучше представить теорию опекаемых благ, сделать более понятным ее место в экономической теории.
- ² «Для экономиста, – пишет М. Блауг, – рациональность означает выбор в соответствии с полной, транзитивной структурой предпочтений при наличии совершенной и получаемой бесплатно информации; в тех же случаях, когда в отношении будущих результатов существует неопределенность, рациональность означает максимизацию ожидаемой полезности, то есть полезности результата, помноженной на вероятность его получения» (Блауг, 2004, с. 348).
- ³ Эта модель, опубликованная в «рабочих тетрадях» (Shefrin, Thaler, 1978), восходит к более раннему исследованию, где Р. Шифрин и У. Шнейдер, рассматривая гипотезу о наличии у человека двух когнитивных систем, обнаружили «борьбу разума с интуицией» – прообраз будущих моделей с множественностью «Я» (Schneider, Shiffrin, 1977).
- ⁴ Замечу, что речь идет об отклонении поведения индивидуумов от того, что «патер» считает теоретически правильным.
- ⁵ Прекрасный аналитический обзор дан Р. Капелюшниковым. Он опубликован в 2013 г. в двух номерах журнала «Вопросы экономики» (Капелюшников, 2013а, 2013б).
- ⁶ Здесь уместен небольшой комментарий. Несмотря на австрийский вердикт *de jure* «в приложении к конечным целям деятельности понятия “рациональный” и “иррациональный” неуместны и бессмысленны» (Мизес, 2005, с. 22), *de facto* Мизес подтверждает мериторные аргументы иррационального поведения: «Разумеется, всегда будут существовать индивиды или группы индивидов, интеллект которых настолько ограничен, что они неспособны осознать выгоды, которые предоставляет им общественное сотрудничество. Моральные устои и сила воли других настолько слабы, что они не могут сопротивляться искушению добиться эфемерных преимуществ посредством действий, наносящих вред ровному функционированию общественной системы. Ибо приспособление индивида к требованиям общественного сотрудничества требует жертв. Конечно, эти жертвы временны и мнимы, так как с лихвой компенсируются несравненно большей выгодой, которую обеспечивает жизнь в обществе. Однако в данное мгновение, в течение самого акта отказа от ожидаемого наслаждения, они являются болезненными, и не каждый может осознать их будущую выгодность и вести себя соответственно» (там же, с. 140). И тот же Мизес страницей раньше пишет: «Утилитарист... не требует от человека отказа от собственного благополучия ради общества. Он рекомендует ему осознать, в чем состоят его правильно понимаемые интересы» (там же, с. 139). Но как все-таки быть с теми, кто не может осознать правильно понимаемые интересы и будущую их выгодность? Не должно ли в этом случае общество создавать условия, чтобы люди могли «вести себя соответственно»?
- ⁷ «Новые классические макроэкономисты, как Сарджент и Лукас, например, рассматривают любую попытку ввести в экономическую модель параметры, не мотивированные индивидуальной оптимизацией, как “корректировку *ad hoc*”, т.е. поправку, введенную для конкретной цели и не имеющую более широкого обоснования» (Блауг, 2004, с. 350).
- ⁸ Следует различать «жесткий патернализм», принуждающий экономических агентов выполнять определенные правила, предусмотренные законами и нормативными актами, и «мягкий патернализм», создающий условия для соответствующего поведения экономических агентов.

- ⁹ Теория опекаемых благ, вслед за мериторикой, рассматривает и такие товары (к примеру, наркотики или алкоголь), потребление которых ограничивается государством.
- ¹⁰ Например, Р. Капелюшников, ссылаясь на Дж. Харсаньи (Harsanyi, 1982, p. 55), подчеркивает, что «истинными» признаются предпочтения, которые выявлялись бы в актах выбора индивида, если бы он был неограниченно рациональным существом, то есть обладал совершенной информацией, безграничными когнитивными способностями и абсолютной силой воли... нам, строго говоря, не дано знать, какими предпочтениями обладали бы такие гиперрациональные существа» (Капелюшников, 2013а, с. 40).
- ¹¹ О других аспектах поведения индивидуумов, связанных с методологическим индивидуализмом, см.: Рубинштейн, 2016, с. 10–15.
- ¹² Близкие суждения можно обнаружить в «Теории экономического развития» Й. Шумпетера, выделявшего особую мотивацию предпринимателя, отличающуюся от рационально действующих хозяйствующих субъектов (Шумпетер, 2007, с. 161–167).
- ¹³ Этот генетический порок общественных средств часто искажает мотивацию поведения политиков, о чем пишут многие авторы, отмечая, что бюджетные средства распределяются на финансирование общественных товаров и ренту, которую присваивают политические и экономические элиты, стремящиеся сохранить и даже увеличить эту ренту.
- ¹⁴ См., в частности, [Полтерович, Попов, 2007; Полтерович, Попов, Тонис, 2008; Хиллман, 2009].
- ¹⁵ См., в частности, обширные обзорные исследования [Нуреев, 2005; Либман, 2007].
- ¹⁶ «Нетрудно устоять перед уговорами и влиянием одного злодея, но когда множество несетя под уклон с неудержимой стремительностью, то не оказаться в потоке есть признак души благородной и разума, воспитанного мужеством» (цит. по: Ковельман, 1996, с. 65). Эти современного звучания слова, облеченные в изящную форму, принадлежат Филону Александрийскому – философу I в. н.э., соединившему в своих ученых трудах еврейскую традицию с греческой культурой.
- ¹⁷ Описание почти тождественной ситуации «провалов государства» в качестве противопоставления «провалам рынка» содержится в многочисленных публикациях. См., например, [Krueger, 1990; Tullock et al., 2002; Winston, 2006; Радыгин, Энтов, 2012]. В общей теории провалов смешанной экономики, берущей свое начало в КЭС, основной акцент сделан непосредственно на процессах формирования патерналистских установок, реализация которых приводит к провалам государства.
- ¹⁸ По мнению Н.Е. Тихоновой, опирающейся на результаты исследования 2012 г. «О чем мечтают жители России» Института социологии РАН, норму «каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения» в настоящее время разделяют свыше трех четвертей представителей любой возрастной, доходной, образовательной, профессиональной или иной социальной группы (Тихонова, 2013, с. 38).
- ¹⁹ Подобным недугом страдают многие благотворительные фонды, представляющие гранты в области культуры, науки и образования, решения о выделении которых часто обусловлены патерналистскими установками фондов – их собственными представлениями о том, что нужно поддерживать, – которые не всегда согласуются с реальными потребностями общества.
- ²⁰ В своей классической книге «Democracy in Plural Societies» (1977), в переводе на русский язык – «Демократия в многосоставных обществах» (1997), он ввел в научный оборот понятие общественной, или консоциативной, демократии. В более поздних работах категорию «консоциативная демократия» Лейпхарт дополняет по-

нятием «консенсусная демократия», анализ которой он изложил в книге «Patterns of Democracy» (1999). (См. также: Симон, Фурман, 2015, с. 20.)

- ²² По проблемам «вето» существует обширная литература. При этом имеет смысл обратить внимание на работы Цебелиса, в которых автор обосновывает концепцию «вето-игроков» (Tsebelis, 1990, 1995). «Вето-игроки – это коллективные или индивидуальные акторы, согласие которых необходимо для изменения статус-кво. Статус-кво – это политика, существующая в настоящий момент, т.е. законодательство, изменение которого зависит от принятия единодушного решения всех вето-игроков» (Помигуев, 2014, с. 200).

ELEMENTS OF THE GENERAL THEORY OF THE MIXED ECONOMY DEFECTS

Rubinstein Alexander Ya.

Dr. of philosophy, Professor, Head of the Research Area
“Theoretical Economics” IE RAS, Honored Worker of Science.
Address: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.
32 Nakhimovsky Av., 117218 Moscow, Russian Federation.
E-mail: arubin@aha.ru

Abstract

The article presents a new view of mixed economy failures and their classification in context of researching the nature and evolution of paternalism – one of the elements of the “patronized goods” theory. “Behavioral failures” add up to standard failures such as monopolies, information asymmetry externals etc. According to the theory this kind of the mixed economy failure is caused by irrational acts of individuals who choose the kind of behavior which matching the “pater’s” preferences does not maximize their wellbeing. The analysis of “paternalism” is based on the approach mentioned above that made it possible to leave the habitual for this category “paternal care” of the state about its citizens and offer a more generalized interpretation of the notion. The article points to a special kind of defects of the mixed economy-“paternalistic failure” and analyzes the mechanisms of forming state paternalistic directives that cause the failure. Theoretical and applied aspects of the concept of consociational democracy are considered in the article. The concept provides for process liberalization of making political and economic decisions on the basis of developing civil society institutions and citizens’ activity, aimed at reducing risks of “state failures” and wellbeing losses.

Keywords: patronized goods; merit goods; market failures; paternalism; State activity; State failures; consociationalism; institutions of civil society.

Citation: Rubinstein, A.Ya. (2017). Elementy obshchei teorii iz’yanov smeshannoi ekonomiki [Elements of the General Theory of the Mixed Economy Defects]. *Public Administration Issues*, no 1, pp. 71–102 (in Russian).

REFERENCES

1. Aristotel (1983). *Politika* [Politics]. Soch. v 4 t. T. 4. Moscow: Mysl, pp. 376–644.
2. Asemoglu, D. & Robinson, Dzh. (2013). Politika ili ekonomika? Lovushki standartnykh resheniy [Politics or the Economy? Pitfalls of Standard Solutions]. *Voprosy ekonomiki*, no 12, pp. 4–28.
3. Avtonomov, V.S. (2014). Eshche neskol'ko slov o metodologicheskom individualizme [A Few Words about the Methodological Individualism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 3, pp. 53–56.
4. Avtonomov, V.S. (2015). Na kakie svoistva cheloveka mozhet operet'sya ekonomicheskiy liberalizm [What Qualities of Man Economic Liberalism Can Lean on]. *Voprosy ekonomiki*, no 8, pp. 5–24.
5. Blanshar, O. (2010). *Makroekonomika* [Macroeconomics] (Trans. from English). Moscow: HSE.
6. Blaug, M. (2014). *Metodologiya ekonomicheskoi nauki, ili kak ekonomisty ob'yasniayut* [Methodology of Economics or how Economists Explain]. (Trans. from English. Sci. ed. and introd.: V.S. Avtonomov). Moscow: NP «Zhurnal Voprosy Ekonomiki».
7. Bondarenko, T.Yu. (2008). Printsipy konsotsiativnoy demokratii v gosudarstvennom stroitel'stve za predelami Evropy [The Principles of Consociational Democracy in Nation-Building outside Europe]. *Politicheskaya nauka*. no 4, pp. 213–223.
8. Boudon, R. (1979). *La logique du sociale: introduction a l'analyse sociologique*. Paris: Hachette.
9. Camerer, C., Issacharoff, S., Loewenstein, G., O'Donoghue, T. & Rabin, M. (2003). Regulation for conservatives. Behavioral economics and the case for “asymmetric paternalism”. *University of Pennsylvania Law Review*, no 151, pp. 1211–1254.
10. Crick, B. (2000). *In Defense of Politics*. Harmondsworth and New York: Penguin.
11. D'Amico, D. (2009). *Merit Goods, Paternalism and Responsibility*. Pavia. Universita.
12. Douglas, J. (1987). Political Theories of Nonprofit Organizations. In: *The Nonprofit Sector: A Research Handbook*. Edited by Walter W. Powell. New Haven, Conn.: Yale University Press, pp. 43–54.
13. Ferejohn, J. (2000). *Instituting Deliberative Democracy. Designing Democratic Institutions*. (Eds: Ian Shapiro and Stephen Macedo). New York University Press.
14. Grinberg, R. & Rubinshtein, A. (1998). «Sotsial'naya renta» v kontekste teorii ratsional'nogo povedeniya gosudarstva [«Social Rent» in Context of the State Rational Behavior Theory]. *Rossiiskiy ekonomicheskii zhurnal*, no 3, pp. 58–66.
15. Grinberg, R. & Rubinstein, A. (2005). *Economic Sociodynamics*. «Springer-Verlag», Berlin, Heidelberg, New York.
16. Grinberg, R.S. & Rubinshtein, A.Ya. (2013). *Individuum & gosudarstvo: ekonomicheskaya dilemma* [An Individual & State: Economic Dilemma]. Moscow: Ves' Mir.
17. Halpern, Sue M. (1986). The Disorderly Universe of Consociational Democracy. *Western European Politics*, vol. 9, no 2, pp. 181–182.
18. Hansmann, H. (1980). The Role of Nonprofit Enterprise. *Yale Law Journal*, no 89, pp. 835–901.
19. Harsanyi, J.C. (1982). Morality and the Theory of rational Behaviour. In: *Utilitarianism and beyond*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 39–62.
20. Heywood, A. (2002). *Politics*. London: Palgrave Macmillan.

21. Kahneman, D. & Tversky, A. (Eds.) (2000). *Choices, values and frames*. New York: Cambridge University Press.
22. Kapelyushnikov, R.I. (2013a). Povedencheskaya ekonomika i «novyi» paternalizm [Behavioral Economics and the «New» Paternalism]. *Voprosy ekonomiki*, no 9, pp. 66–90.
23. Kapelyushnikov, R.I. (2013b). Povedencheskaya ekonomika i «novyi» paternalizm [Behavioral Economics and the «New» Paternalism]. *Voprosy ekonomiki*, no 10, pp. 28–46.
24. Katona, G. (1951). *Psychological Analysis of Economic Behavior*. New York: McGraw-Hill.
25. Khillman, A.L. (2009). *Gosudarstvo i ekonomicheskaya politika. Vozmozhnosti i ogranicheniya upravleniya* [The State and Economic Policy. Possibilities and Management Restrictions]. Moscow: HSE.
26. Kovelman, A.B. (1996). *Tolpa i mudretsy talmuda* [The Crowd and the Sages of the Talmud]. Moscow-Jerusalem: Jewish University in Moscow.
27. Krueger, A. (1990). Government Failures in Development. *Journal of Economic Perspectives*, no 4, pp. 9–23.
28. Laffon, Zh.-Zh. (2007). *Stimuly i politekonomiya* [Incentives and Political Economy]. Moscow: HSE.
29. Leipkhart, A. (1997). *Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh* [Democracy in Plural e Societies]. Moscow: Aspekt Press.
30. Libman, A.M. (2007). *Politiko-ekonomicheskie issledovaniya: obzor i nekotorye predlozheniya* [Political and Economic Studies: a Review and Some Suggestions]. Moscow: Institut ekonomiki RAN.
31. Lijphart, A. (1977). *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. New Haven: Yale University Press.
32. Lijphart, A. (1999). *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Haven: Yale University Press.
33. Lucas, R. (1972). Expectations and the Neutrality of Money. *Journal of Economic Theory*, no 4, pp. 103–124.
34. Machlup, F. (1982). *Austrian Economics. Encyclopedia of Economics*. New York: McGraw-Hill.
35. Maierson, R. (2010). Ravnovesie po Neshu i istoriya ekonomicheskoi nauki [Nash Equilibrium and the history of economic science]. *Voprosy ekonomiki*, no 6, pp. 26–43.
36. Mersyanova, I.V., Yakobson, L.I. (2007). *Negosudarstvennye nekommercheskie organizatsii: institutsional'naya sreda i effektivnost' deyatel'nosti*. Ser. «Monitoring grazhdanskogo obshchestva» [Non-governmental non-profit organizations: institutional environment and performance. Ser. «Civil Society Monitoring»], vol. II. Moscow: HSE.
37. Mizes L. fon. (2005). *Chelovecheskaya deyatel'nost': traktat po ekonomicheskoi teorii* [Human Activities: a Treatise on Economic Theory]. Chelyabinsk: Sotsium.
38. Musgrave, R.A., Musgrave, P.B. & Kullmer, L. (1994). *Die öffentlichen Finanzen in Theorie und Praxis*, Band 1, 6. Tübingen: Auflage.
39. Musgrave, R.A. (1959). *The Theory of Public Finance*. New York-London.
40. Musgrave, R.A. (1969). *Provision for Social Goods. Public Economics*. London-Basingstoke: MacMillan, pp. 124–144.
41. Ndzhoku, R. (1999). Chto takoe konsotsionalizm? [What is Consociationalism?] (In: *Praktika federalizma. Poiski al'ternativ dlya Gruzii i Abkhazii*), pp. 300–312.

42. Nureev, R.M. (2006). Teoriya obshchestvennogo vybora [Public Choice Theory]. Moscow: HSE.
43. Olson, M. (2006). Diktatura, demokratiya i razvitie [Dictatorship, Democracy and Development]. (In: *Teoriya i praktika demokratii*). Moscow, pp. 375–382.
44. Ormonbekov Zh. (2007). Teoriya konsotsionalizma Arenda Leipkharta [The Theory Conso-
ciationalism Arend Lijphart]. *Kazanskii federalist*, no 1–2, pp. 98–108.
45. Ostrom, V. (1991). *The Meaning of American Federalism. Constituting a Self-Governing Society*. San Francisco, California, ICS PRESS.
46. Platon (1971). *Gosudarstvo* [State]. Platon. Soch. v 3 t. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
47. Polishchuk, L.I. (2013). Outsorsing institutov [Outsourcing institutes]. *Voprosy ekonomiki*, no 9, pp. 40–65.
48. Polterovich, V.M. & Popov, V.V. (2007). Demokratizatsiya i ekonomicheskii rost [Democratization and Economic Growth]. *Obshche-stvennye nauki i sovremennost'*, no 2, pp. 13–27.
49. Polterovich, V.M. (2015). Ot sotsial'nogo liberalizma k filosofii sotrudnichestva [From Social Liberalism to the Philosophy of Cooperation]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 4, pp. 41–64.
50. Polterovich, V.M., Popov, V.V. & Tonis, A.S. (2008) Nestabil'nost' demokratii v stranakh, bogatykh resursami [The Instability of Democracy in Resource-Rich Countries]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE*, no 2, pp. 176–200.
51. Pomiguyev, I.A. (2014). Kontseptsiya veto-igrokov: novyi podkhod v izuchenii form pravleniya [The Concept of Veto-Players: A New Approach in the Study of Forms of Government]. *Zhurnal «Politicheskaya nauka»*, no 1, pp. 199–210.
52. Radygin, A. & Entov, R. (2012). «Provaly gosudarstva»: teoriya i politika [«Government Failure» Theory and Policy]. *Voprosy ekonomiki*, no 12, pp. 4–30.
53. Romer, D. (2014). Vysshaya makroekonomika [Higher macroeconomics]. (Trans. from English). Moscow: HSE.
54. Rubinshtein, A.Ya. & Pliskevich, N.M. (Eds) (2016). *Sotsial'nyi liberalism* [Social Liberalism]. StPetersburg: Aleteiya.
55. Rubinshtein, A.Ya. (2009a). K teorii rynkov «opekaemykh blag». Stat'ya I. Opekaemye blaga i ikh mesto v ekonomicheskoi teorii [On the Theory of „Patronized Goods” Markets. Article I. Patronize Goods and their Place in the Economic Theory]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 1, pp. 139–152.
56. Rubinshtein, A.Ya. (2009b). Meritorika i ekonomicheskaya sotsiodinamika: diskussiya s R. Masgreivom [Meritoricity and Economic Sociodynamics: Discussion with R. Musgrave]. *Voprosy ekonomiki*, no 11, pp. 98–109.
57. Salamon, L. (1987). Partners in Public Service: The Scope and Theory of Government-Non-profit Relations. In: *The Nonprofit Sector: A Research Handbook*. Edited by Walter W. Powell. New Haven, Conn.: Yale University, pp. 99–117.
58. Samuelson, P.A. (1954). The pure theory of public expenditure. *Review of Economics and Statistics*, vol. 36, no 4, pp. 387–399.
59. Schmidt, K. (1988). Mehr zur Meritorik. Kritisches und Alternatives zu der Lehre von den öffentlichen Gütern. *Zeitschrift für Wirtschafts –und Sozialwissenschaften*, Vol. 108, Jahrgang, Heft 3, S. 383–403.
60. Schneider, W. & Shiffrin, R.M. (1977). Controlled and Automatic Human Information Processing I. Detection, Search, and Attention Processing II. Perceptual Learning, Automatic Attending and a General Theory, *Psychological Review*, vol. 84, no 1, pp. 1–66; no 2, pp. 127–190.

61. Shefrin, H.M. & Thaler, R. (1978). *An Economic Theory of Self*. Center for Economic Analysis of Human Behavior and Social Institutions. Working Paper No 208.
62. Shumpeter, I. (2007). *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [The Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow: Eksmo.
63. Simon, H.A. (1955). A Behavioral Model of Rational Choice. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 69, no. 1, pp. 99–118.
64. Simon, H.A. (1957). *A Behavioral Model of Rational Choice, in Models of Man, Social and Rational: Mathematical Essays on Rational Human Behavior in a Social Setting*. New York: Wiley.
65. Simon, M.E. & Furman, E.D. (2015). *Problema vyrabotki politicheskogo kompromissa: institutsional'noe izmerenie* [The Problem of Developing a Political Compromise: The Institutional Dimension]. Moscow: IE RAN.
66. Steinberg, R. (2006). Economic Theories of Nonprofit Organizations. In: *The Nonprofit Sector. A Research Handbook*. Edited by Walter W. Powell and Richard Steinberg. Yale University Press New Haven & London, pp. 117–139.
67. Stigler, G. (1971). The Theory of Economic Regulation. *Bell Journal of Economics*, no 2, pp. 3–21.
68. Sunstein, C. & Thaler, R. (2003). Libertarian paternalism is not an oxymoron. *University of Chicago Law Review*, no 70, pp. 1159–1202.
69. Thaler, R.H. & Shefrin, H.M. (1981). On Economic Theory of Self-Control. *Journal of Political Economy*, no 2, pp. 392–406.
70. Thaler, R.H. (2000). From Homo Economicus to Homo sapiens. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 14, no 1, p. 133–141.
71. Tietzel, M. & Muller, C. (1998). *Noch mehr zur Meritorik. Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften*. Berlin: Duncker & Humblot.
72. Tikhonova, N.E. (2013). Sotsial'nyi liberalizm: est' li al'ternativa? [Social Liberalism: is there an Alternative?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 2, pp. 32–44.
73. Tsebelis, G. (1990). *Nested Games: Rational Choice in a Comparative Perspective*. Berkeley: Univ. of California press.
74. Tsebelis, G. (1995). Decision making in political systems: veto players in presidentialism, parliamentarism, multicameralism, and multipartyism. *British Journal of Political Science*. Cambridge, no 25, pp. 289–326.
75. Tullock, G., Seldon, A. & Brady, G. (2002). *Government Failure: A Primer in Public Choice*. Washington, DC: Cato Institute.
76. Weisbrod, B. (1975). Toward a Theory of the Voluntary Non-Profit Sector in a Three-Sector Economy. (In: *Altruism, Morality, and Economic Theory*. Edited by Edmund Phelps). New York: Russell Sage Pages. pp. 171–195.
77. Winston, C. (2006). *Government Failure versus Market Failure. Microeconomics Policy Research and Government Performance*. Washington, DC: AEI-Brookings Joint Center for Regulatory Studies.
78. Yakobson, L.I. (2016). Sotsial'naya politika yuvenal'nogo obshchestva [Social Policy in the Juvenile Society]. (In: *Sotsial'nyi liberalizm* [Social Liberalism]. Eds.: A.Ya. Rubinshtein, N.M. Pliskevich). StPetersburg: Aleteiya, pp. 294–309.